

мыслями, при видѣ укутаннаго въ бѣлый саванъ мертвеца. Мнѣ представилась воочію одна изъ тѣхъ невѣдомыхъ міру смертей, которыя уставляють мертвыя пустыни какъ вѣхами — костями и черепами людей, погибшихъ на пути. Какъ *memento mori*, стоятъ онѣ на всѣхъ тропахъ, пересѣкающихъ пустыню, какъ бы говоря путнику: «иди впередъ скорѣе, чтобы пройти это царство смерти...» Смерть и жизнь идутъ тугъ рядомъ, но смерть преобладаетъ надъ жизнью, — болѣе мертвыхъ, чѣмъ живыхъ... Стоять только изнемочь хотя на одни сутки и склонить свою усталую голову, — и новыя безвѣстныя кости забѣлѣются въ пустынѣ и, торча изъ песку, будутъ говорить новому страннику: «и отъ тебя недалеко смерть!»...

Минуть десять продолжалось общее безмолвіе, и эти минуты казались часами. Солнце, уже выкатившееся теперь во всемъ своемъ величій на безоблачномъ небѣ пустыни, освѣщало ярко бѣлоснѣжный саванъ несчастнаго Хафиза, такъ что даже трудно было на него смотрѣть, и глаза отворачивались невольно; но и вокругъ негдѣ было отдохнуть взору: вся окрестность блистала тѣмъ же нестерпимымъ свѣтомъ, а лучи аравійскаго солнца начали вновь опалать и безъ того опаленные мертвые пески. На восходѣ солнца другого дня обыкновенно мусульмане хоронятъ своихъ умершихъ, чтобы червь гнѣнія не прикоснулся къ тѣлу правовѣрнаго на землѣ, чтобы лучи дневного свѣтила еще разъ облили трупъ своимъ живительнымъ свѣтомъ, прежде чѣмъ онъ будетъ погруженъ въ темную могилу. Ухода изъ міра и изъ жизни во прахъ, изъ свѣта во тьму, онъ долженъ уносить съ собою лучи свѣта, которые должны не потухать во мракѣ могилы, какъ не исчезаетъ безвѣстно и душа правовѣрнаго...

Старшій Абдъ-Алла, какъ шейхъ и имамъ, приступилъ къ обряду погребенія немедленно, какъ только была готова могила. Пятеро хаджей длинными своими ножами и ятаганами, при помощи другихъ товарищей, работавшихъ просто руками, выкопали небольшую яму въ пескѣ, саженахъ въ ста отъ нашего становища. Мой, Юза и Рашидъ, усердно помогали имъ въ ихъ благочестивомъ занятіи; ханджары (длинные ножи) оказывали мнѣ всегда большую услугу въ раскопкахъ, и теперь они работали, какъ лопаты, въ сыпучемъ пескѣ. Не трудно рылась могила, но работа спорилась не быстро, такъ какъ часто ее прерывали обильными молитвословіями и отдыхами. Наконецъ выкопана была яма сажени полторы длиною и футовъ пять глубиною, — и настоящее погребеніе началось съ подобающею торжественностью.